

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ К. КРАХТА «1979»

В статье рассмотрены особенности представления политического дискурса, включенного в художественный текст романа современного швейцарского писателя Кристиана Крахта «1979». Делается попытка рассмотреть современный политический дискурс, включающий сложные взаимоотношения западных и восточных политических формаций, способы их презентации и осмысления в художественном тексте.

Ключевые слова: политический дискурс, немецкоязычный роман, современная немецкая литература, Кристиан Крахт.

Для уточнения научных категорий и предмета анализа обратимся к определению политического дискурса. «Политический дискурс – это сложное социально детерминированное коммуникативное лингво-экстралингвистическое явление (событие), неотъемлемая часть которого – актуализированная политическая речь, актуализированное политическое выступление субъекта политического взаимодействия» [Клюев 2016: 5].

Субъектами политического взаимодействия в случае художественного текста нередко являются носители точек зрения, субъекты повествования (персонажи). Их первичный дискурс, т.е. личные точки зрения, внутренняя духовная жизнь, становятся вторичным дискурсом уже в силу их представленности в опубликованном художественном тексте, ставшем частью общественного публичного дискурса. Дискурс трактуется как основной инструмент включенности человека в социальную и в общественную жизнь [Клюев 2016: 10]. Политический дискурс включает противостояние определенных систем, полярность мировоззрений, идеологические противоречия. При этом идеологическое противостояние может быть и не продиктовано очевидной экономической

выгодой, хотя перспективы долгосрочной экономической выгоды и ориентация на превалирование чьих-либо интересов над интересами иных сторон определяют ход политического дискурса. Художественное произведение, с одной стороны, обнажает и изображает политический дискурс определенной эпохи, с другой стороны, является его частью, даже если в нем изначально не заложена такая интенция.

Роман «1979» Кристиана Крахта¹ написан и вышел в свет в 2001 году. Понимание сюжетной композиции романа, рассказывающего о судьбе молодых европейцев, оказавшихся в Иране во время исламской революции, требует пояснений связанных с ним исторических реалий. Два главных героя романа оказываются в Иране в 1979 году. В реалистичной исторической перспективе рассмотрения в Иране к 1979 году обостряется политическая борьба, а антиамериканские настроения достигают своей кульминации во взятии американского посольства 4 октября 1979 года. Антиамериканские волнения в Иране начали нарастать с момента государственного переворота в 1953 году, организованного США, и смещения с должности премьер-министра Ирана. Американцы поддерживали шаха Мохаммеда Реза Пехлеви и через него проводили свою государственную политику в Иране, влияя в целом на весь переднеазиатский регион [Нартов 2017: 341].

Лидером иранской антиамериканской оппозиции был Рухолла Мусави Хомейни, но преследуемый силами шаха на родине он был вынужден на тот момент эмигрировать во Францию, а в последствии стал самым крупным «разочарованием» западного мира, т. к. возглавил борьбу с проамериканским режимом из французской эмиграции, которая жестоко подавлялась шахом с помощью силовых методов [Замов 2017: 139-141]. С начала 1979 года борьба с американским засилием в Иране приняла массовый сти-

¹ Кристиан Крахт (Christian Kracht, 1966 г.р.) – современный популярный немецкоязычный писатель и журналист швейцарского происхождения, автор многих социально-критических романов. Русское издание (перевод) данного романа: Крахт К. «1979». М.: Ad Marginem, 2002.

хийный характер и достигла своего пика 4 октября, когда студенты, вышедшие из-под контроля всех сил, стихийно захватили американское посольство, не смотря на опасность быть расстрелянными. Застигнутые врасплох сотрудники посольства не посмели открыть огонь по штурмовавшим здание студентам и были взяты в заложники Иранской оппозицией. Реальное управление страной перешло в руки самих иранцев, а власть проамериканских сил была низвергнута.

Именно в разгар этих событий два немецких гражданина – герои романа и оказываются в Иране. Именно в этот день в западных кругах столичного Тегерана шах организует роскошную вечеринку со звездами иранского шоу-бизнеса и представителями медийной сферы из Европы. Столкновения главных героев с местными жителями на пути следования к этому мероприятию раскрывают их политические и идеологические пристрастия.

Оба персонажа являются воплощением двух идейных-политических или идеологических полюсов. Один из них, Кристофер, изображенный извне, является носителем западного, проамериканского, либерально-демократического мировоззрения¹, а другой, от имени которого ведется повествование, приближается к восточным или азиатским воззрениям.² По мере развития действия его позиция претерпевает изменения: его приятие азиатской идеологии выводит его на грань, где симпатии чуждой культуре не могут осознаваться той культурой как симпатии, а уже воспринимаются как политически враждебный шаг, за которым может

¹ Он встречает агрессивными нападениями или откровенным презрением каждого случайно оказавшегося рядом иранца «Aasgeier“ <...> „Sie sind fett, häßlich, und sie können nicht mal bis zehn zählen, so dumm sind sie. Sie fressen Aas. Sie werden unsere Koffer durchwühlen, wenn wir weg sind, <...>“ [Kracht 2017: 23].

² Он пытается предотвратить агрессивные нападки друга, защищает в его глазах обычных иранцев, которые по своему восточному гостеприимству оказывают на протяжении всего действия поддержку и помощь главным героям.

скрываться общественно-политическая опасность, например, в виде шпионажа.

Рассказчик, принимая восточный тип культуры, пытается купить перед ней ошибки запада и оказывается в китайском обществе.¹ Это движение маркируется в романе как вектор, направленный к лишенному гуманного начала, анонимному обществу тоталитаризма. Здесь вновь сталкиваются два мировых уклада: восточный и западный тип. Идеологическое противостояние изображается автором через точку зрения рассказчика от первого лица. Он представлен тем медиумом, через который транслируется западный уклад жизни, а его носителем в чистом виде является Кристофер, и остальными второстепенными персонажами восточного мира. В Иран друзья попадают из расположенного на западе Афганистана, миновав Турцию, куда Кристофер в сопровождении друга приехал знакомиться с особенностями местной архитектуры.²

К. Крахт делает политический дискурс предметом изображения и средством изображения одновременно. В романе представлена та риторика, которая определяет ведущую мысль в понимании того или иного государства. Здесь живописуются те образно-мыслительные клише, которые определяют представление о идео-

¹ Примечательно, что уже в начале романа указано направление движения рассказчика, позднее осуществляемое: „Weißt du was? Du bist mongoloid.“ Это с глубоким презрением изрекает Кристофер в адрес друга [Kraucht 2017: 30].

² Не случайно оба представителя западного мира – архитекторы по образованию и по профессии. Но рассказчик не считает себя серьезным специалистом в этом деле, он всегда видел в Кристофере воплощение талантливого архитектора, сам же он живет мелкими заказами по внутреннему дизайну, которыми время от времени его снабжает более успешный друг. Прозападно настроенный Кристофер утверждает себя таким образом в качестве идеолога строительства мира, а его друг, занятый интерьерными решениями, пытается обустроить свой внутренний мир, проявляет внимание к мелочам быта и к психологическим нюансам взаимодействия конкретных людей.

логемах «демократического», «коммунистического» или «тоталитарного» мироустройства. Результатом постановки политического дискурса в центр изображения становится утрата многоплановости романа, открытости его сюжетной линии, внутренней необоснованности, нарочитой искусственности самого повествования от имени первого лица. И если начало романа внушает мысль о правдоподобности повествовательной линии, хотя и наталкивает на размышление об абсурдности поведения героев, то его концовка порождает идею о невозможности вообще подобного повествования в реалистичном ключе.

Автору, однако, удается дать одноплановый срез общественно-политической ситуации в некоторых странах ближнего и дальнего Востока на момент 1979 года, а именно Ирана и Китая. В фокусе повествования находятся политические режимы в этих двух странах, которые изображены в резко противоположном, антагонистическом ключе.

Роман обнажает отсутствие социальной толерантности как в западном, так и в восточном, в китайском политическом лагере. Нетерпимость к инакомыслию характерна и для западнически настроенного Кристофера, и для обезличивающей человека системы лагерей восточной политической организации. Высокомерное отношение Кристофера к иранскому миру, к местному быту, к иранской культуре проявляется в оценочной окраске его речи, а также в характеристике его поведения и его качеств с точки зрения рассказчика.

Кристофер обладает завидными энциклопедическими знаниями об истории, культуре, о политических деятелях и событиях; его друг, приверженец азиатского типа мышления, не имеет такой впечатляющей информированности.¹ Однако знания не помогают Кристоферу выжить в данной культуре, в ситуации ее тотального

¹ Ср.: «Ich wünschte in diesem Moment, ich hätte etwas gelernt. Nicht mich mit Interieurs zu beschäftigen, sondern richtig viel zu wissen, so wie Christopher, Bildung zu haben, denken zu können» [Karcht 2017: 55].

неприятия, хотя умерщвляет его не иранская культура, а, наоборот, приверженность утехам западного мира, очаги которого процветают и в проамериканском Иране. Это безмерное употребление алкоголя, наркотиков, шумные вечеринки со звездами шоу-бизнеса, а главное, отсутствие моральных принципов, кощунство и безнравственность, отсутствие представлений о нравственных началах¹ становятся в конечном итоге причиной смерти Кристофера. Непрерывные попытки удержать тяжело больного друга от смертельно опасных излишеств оказываются напрасны.

Возвеличивающий западную культуру Кристофер изначально серьезно болен, но он не осуществляет ни малейших попыток к лечению. Оба его бедра покрыты гнойной инфекцией кожи, он вынужден регулярно менять мокнущие повязки, его лихорадит, он с трудом передвигается. Бедра, как оплот и остов человеческого скелета, выступают в романе в качестве символа подгнивающих основ европейской культуры, ярко выраженным носителем которой является этот герой. Удивляет и символически прорисованное автором отсутствие попыток лечения обширных мокнущих язв на ногах, – попыток выправить и изменить ситуацию, ведущую к смерти в рамках избранного политического дискурса в западном мире, не осуществляется. И в то же время центробежная сила отступничества от нравственных идеалов и традиционных ценностей захватывает политически все большее количество регионов. Рассказчик сглаживает прозападный нигилизм своего друга, пытается разглядеть в каждом иранце живого человека, с его достоинством и правом на частное мнение, с уважительным отношением к политической позиции. Но эта гуманная, толерантная позиция оказывается тем более неуместной в обществе тоталитарного режима Китая.

¹ Кульминацией разврата и похотливых извращений, не знающих границ, является в романе образ пятилетней девочки, дочка проституирующей поп-звезды, которую мать привела на фешенебельную вечеринку, в одеянии и макияже, аналогичном своему.

Речевая сторона повествования отсылает нас к политическому дискурсу, напрямую формируя его: “*Propaganda, Erfundenes, glatte Lüge*“ [Kracht 2017: 55], *amerikanische Sklaven, Alexander der Große, Omar, Sunnit, Perser, Islam, Zoroastrertum, “Death to America – Death to Israel – Death to the Shah”* [Kracht 2017: 25-26]. Имя Маврокордато, наследника древнего рода политических деятелей, дипломатов и послов, подвизавшихся из рода в род на поприще объединения западных и восточных государств и работавших в Византии, Российской империи, Молдавии и Венгрии, – яркий образ одного из центральных героев романа, который также оказывает свое влияние на политический дискурс. Маврокордато заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробно отдельно.

Суть политического дискурса как проблемы можно свести к одной фразе: «Говорить правильные вещи», которая раскрывается в различных ракурсах. Эта формулировка воспринимается как отдельная проблема и эпицентр политического дискурса, откуда исходят волны тектонических сдвигов в социуме. Именно этот вопрос поднимает рассказчик в разговоре с Маврокордато, выступающий здесь в образе всезнающего провидца.

Ограниченный в своей точке зрения герой из западного мира оказывается поглощенным миром китайского тоталитаризма. И хотя последний изображен в неприглядно-отвратительном ключе полной неизбежности, самодостаточности и всеислия, ощущается некоторая надуманность такого художественного решения, его нереалистичность, подчиненность действующему политическому прозападному дискурсу.

Если Кристофер мыслит клишированными расхожими суждениями западного политического дискурса, то вторая часть романа, в которой изображается китайское общество, целиком состоит из подобных клишированных образов и идеологием китайского коммунистического мира. Типичные клише западного политического дискурса в отношении восточных стран формируют всю текстовую ткань романа в его второй половине. Картины восточного тоталитаризма воспринимаются как жестокое предупреждение за-

падному обществу о нависшей над ним угрозе уничтожения, обезличивания ценностей индивидуальной духовной жизни, свободы личного мнения и права частной собственности. Все эти ценности западного мира нивелируются в тоталитарном режиме китайских лагерей для заключенных. И способом выживания в нем становится принцип «говорить и думать правильные вещи», подчиняться строжайшим правилам, несовместимым с жизнеспособностью, думать и говорить строго по предписанным лекалам, то есть находить изначально запланированные системой подавления нужные и ожидаемые ею ответы на весьма узкий круг политически значимых для тоталитарного режима вопросов. Но очевиден и факт нежизнеспособности западных ценностей, не подкрепленных нравственными ориентирами.

Закон западного мира требует отказа от нравственных установок, закон китайского тоталитаризма в контексте романа Крахта «1979» требует абсолютного отказа от индивидуальности. Предельная уродливость каждого из этих законов выявляет себя в завершающей роман фразе рассказчика: *"Ich war ein guter Gefangener. Ich habe immer versucht mich an die Regeln zu halten. Ich habe mich gebessert. Ich habe nie Menschenfleisch gegessen"* [Kracht 2017: 183]. Он научился быть хорошим заключенным и подчиняться всем правилам, но он никогда не ел человеческого мяса даже ради выживания в нечеловеческих условиях.

Роман Крахта, опубликованный в 2001 году, описывающий смертельное столкновение двух идеологических и политических стратегий выступает формой художественного предупреждения о политических и социально-экономических потрясениях будущего, так как оба полюса этого политического дискурса нуждаются в радикальной трансформации своих идеологических и политических моделей.

Библиографический список

1. Замов Э.А. Общественная мысль стран востока: Учебное пособие / науч. ред. В.А. Кузьмин. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. 150 с.

2. Клюев Ю.В. Политический дискурс в массовой коммуникации. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2016. 265 с.
3. Нартов Н.А. Геополитика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 462 с.

Источники

1. Kracht, Christian. "1979". – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 2017. 183 S.

N.V. Barabanova (Russia, Samara)

POLITICAL DISCOURSE IN K. KRACHT'S NOVEL "1979"

The article discusses the features of the presentation of political discourse included in the literary text of the novel "1979" by the modern Swiss writer Christian Kracht. An attempt is made to consider modern political discourse, including the complex relationship between Western and Eastern political formations, ways of their presentation and comprehension in a literary text.

Key words: *political discourse, German-language novel, modern German literature, Christian Kracht.*